

М.Н. КРЫЛОВА
(Зерноград)

ЗРЕЛЫЙ СТИЛЬ НОВОГО ПИСАТЕЛЯ: РОМАН «ЛЕНА СКВОТТЕР И ПАРАГОН ВОЗМЕЗДИЯ» Л. КАГАНОВА

Анализируются такие особенности языка и стиля романа, как насыщенность иноязычной лексикой и сложной экономической, компьютерной и лингвистической терминологией, сравнительные конструкции разных структурных типов, в том числе развернутые метафоры, симфоры, каламбуры, оксюмороны и т.д.

Ключевые слова: *варваризм, сравнительная конструкция, метафора, симфора, оксюморон, каламбур, афористичность.*

Леонид Каганов представляет собой новую реализацию вечного понятия «российский писатель». Изучая его творчество, мы уже отмечали, что его основными особенностями как писателя новой формации мы считаем разносторонность, полифункциональность (сочетание писательской деятельности с блоггерской, общественной, политической, журналистской и др.), открытость, активную жизненную позицию, а также продвижение своего творчества посредством сети Интернет [4]. В связи с этим жанровое, стилистическое, идейное, языковое своеобразие текстов, создаваемых Кагановым, заслуживает самого внимательного и глубокого изучения. Именно поэтому целью данной статьи является анализ основных особенностей языка и стиля романа Л. Каганова «Лена Сквоттер и парагон возмездия».

Языковое своеобразие текстов данного писателя еще не стало предметом пристального изучения современных ученых, т.к. Каганов, во-первых, молод (1972 года рождения), а изучать творчество молодых писателей считается неактуальным; во-вторых, не очень широко известен, особенно за пределами Интернета, что для современного писателя все еще является серьезным недостатком. Да и читатель у Каганова своеобразный: это молодой человек, часто представитель богемы, «житель» Интернета, человек думающий и критически мыслящий, негативно или равнодушно настроенный к власти. Видимо, среди читателей текстов Каганова и поклонников его творчества еще не очень много ученых, философов и лингвистов, которых заинтересовал бы этот феномен – Л. Каганов. Серьезное и глубокое исследование еще впереди. Мы же только начинаем.

Сюжет романа может быть охарактеризован и как предельно реалистичный, вписанный в фантастические обстоятельства, и как совершенно фантастический, но мастерски вписанный в обстоятельства реальные: поиск некоего артефакта, места NaziOrt, исполняющего желания. Повествование ведется от лица главной героини, имя которой заявлено в названии романа. Образ данной героини, представительницы современного поколения «продвинутых» молодых людей, и обуславливает основные языковые черты произведения.

Каганов обильно насыщает текст варваризмами, в основном английского и немецкого происхождения, в оригинальном написании, причем без перевода, например: *Хорошая сторона в этой истории была лишь одна – это стало мне прекрасным уроком по решению **privateproblems**. На Павлика обижаться было глупо – им двигало **idiotische** любопытство. Но хамка Зоя по кличке Муха, которая днем позже посмела первой процитировать Даля мне в лицо с целью **topissmeoff**, получила прямо тут, в туалете, – тем, что было под рукой**. Варваризмы, написанные кириллицей, также встречаются практически на каждой странице романа: *Каково **гёл**, склонной в те годы к излишней полноте, **гёл**, которая закалывает свои длинные волосы модным в то время **рингом**....*

На первый взгляд, автор предполагает, что читатели владеют лексическим минимумом, необходимым для восприятия данных языковых единиц или должны домыслить их значение, исходя из контекста. И действительно, обычно догадаться о смысле использованного варваризма вполне реально, например: *Я тоже после всех этих **troubles** была не слишком **fresh***. Иногда «расшифровать» фразу сложнее

* Здесь и далее роман Л. Каганова «Лена Сквоттер и парагон возмездия» цитируется по изданию [3].

(*Muway* – не нарушать закон, и по возможности всегда этот факт фиксировать на тот случай, если когда-нибудь меня *am.Arschpacken*), но тоже можно, опираясь на контекст. Ведь, в конце концов, не читать же роман со словарем, вернее, несколькими словарями?

Однако нам кажется, дело в другом. Это элемент языковой игры. Предполагает, что мы понимаем варваризмы, не сам Каганов, а Лена Сквоттер, которая их использует, рассказывая свою историю. А писатель обыгрывает насыщение текста варваризмами, причем несколькими способами. К примеру, уже на пятой странице романа помещено письмо Лены Сквоттер «на чистейшем английском». Внизу страницы под сноской находится перевод, который и читают большинство читателей вместо английского текста. Многие читатели удивились бы, узнав, что текст на английском языке, и нами пропущенный при первом чтении, не соответствует переводу: это оскорбления, которыми автор осыпает адресата, апеллируя к теме широкого распространения мастурбации в дикой природе.

Автор издевается? Однако в чем смысл издевки, если большинство читателей так и не узнают, что их провели, ведь Каганов не поясняет шутку? Как нам кажется, Каганову нет дела до того, поняли ли его. Он просто играет языком, наслаждаясь этой игрой. Это игра ради игры, и с каждой страницей романа в нее вступают все новые элементы, средства языка.

Игрой является само название книги. За несколько лет до создания романа Каганов написал литературоведческую статью «Как назвать книгу? Советы начинающему фантасту», в которой, выделив основные модели наиболее распространенных в современной литературе названий, иронизировал по поводу каждой из них. Несомненно, наименование «Лена Сквоттер и парагон возмездия», построенное по модели «такое и сякое» («Демидур и Савраска», «Кадум и Меч Пустоты») – апелляция к данной статье автора. Кроме того, название соответствует таким высмеянным в статье «требованиям», как позаимствовать готовое название книги, чья удачливость не вызывает сомнений, немного его переделав (мы, конечно, имеем в виду книги серии о Гарри Поттере и Тане Гроттер), использовать красивые непонятные слова (парагон) и т.д. [2].

Вообще создается впечатление, что Каганов рисует героиню романа «под себя», создает Лену Сквоттер такой, чтобы этот образ позволял ему, прикрываясь банальной стилизацией, насытить повествование любимой им самой лексикой, сделать стилистику романа максимально приближенной к собственному идиостилю. Если же данное впечатление обманчиво, и стилистика, образность, лексика романа подчинены действительно мастерски выполненной автором стилизации, то это тем более свидетельствует о высочайшем уровне мастерства писателя.

Помимо широкого использования варваризмов, ярчайшей чертой стиля ведущегося от лица главной героини повествования, является, в частности, исключительное, а порой даже несколько навязчивое внимание к специфической терминологии – экономической, компьютерной и лингвистической. Что касается первой и второй, то введение их в язык героини вполне оправдан: Лена Сквоттер занимается офисным бизнесом и интернет-проектами. Пример: *Подать в суд на нас или на ПИУ никому не удавалось, поскольку сайт хостился в королевстве Бондо, которого нет даже на глобусе, а ходили мы туда зыбкими тропами по вешкам анонимных прокси*. Хотя и здесь наблюдаем неожиданный прием: Каганов вводит экономические термины в рассуждения героини не об экономике, а о других предметах, например, о вере (*Вот так и презентуй человеку бизнес-план спасения его души*), о мужчинах и женщинах (*Теперь ты понимаешь, кто проходит по ведомости природы как оборудование, а кто – как расходник?*), и это делает суждения парадоксальными.

Использование же лингвистической терминологии более неожиданно. Она даже не собственно лингвистическая, а лингвофилософская, например: *Однако вернемся к национальному дискурсу; Я уважаю редкое для человека умение оперировать в устной речи фразами длинными и согласованными; Своего рода попытка оплодотворить собственной мыслью как можно больше окружающих умов – в качестве сублимации за нереализованность в гендерной сфере*. Для нас данная терминология не является чем-то непонятным, для обычного носителя языка, не связанного с лингвистикой, искусно и во множестве вставленные в текст термины звучат примерно так же, как

уже упоминавшиеся выше варваризмы для человека, не владеющего иностранными языками. Вспору достать с полки еще один словарь – терминологический. И именно лингвистические термины, по нашему мнению, составляют основу оригинального стиля романа, вершиной которого может считаться фраза: *Симулякр, геиштальт и гнозис – это три кита, на которых зиждется современный дискурс.*

Внимание и любовь главной героини к языковедческим терминам становятся понятными после введенной автором уже в самом начале романа фразы: *В этот миг умерла Елена Гугель – непрофорентированная девочка-подросток с зачатками характера, и родилась E-lenaGoogle – умная волевая женщина, будущий гениальный криэйтер и лучший в мире филолог.* Языковедческие наклонности Лены Сквоттер постоянно педалируются: она настаивает на употреблении практиканткой глагола *класть* вместо *ложить*, постоянно виртуозно использует в речи термины, относящиеся к различным областям современного языкознания (излюбленный – *дискурс*) не хуже настоящего филолога, для которого в современных условиях в самом деле необходимо умение жонглировать модными языковедческими терминами; дает комментарии вроде следующего: *Импозантный Ausstrahlung подчеркивала правильная русская речь, которая, признаться, всегда была редким гостем на территории нашей страны.* И когда читатель уже почти верит, что 21-летняя «недоучка» Лена Сквоттер действительно настоящий филолог, автор одной фразой объясняет, что многочисленные лингвистические термины в ее речи – просто проявление еще одного языкового средства – иронии над героиней. Вначале тщательно и глубоко скрытая, она становится со временем все более явной и достигает своего апогея с введением в текст фразы с грамматической ошибкой: *Как лучший в мире филолог, меня всегда бесила любая человеческая неграмотность и отсутствие стиля.* Для тех, кто еще не понял, что Лена Сквоттер не филолог, писатель позже вводит в ее речь еще одну похожую фразу, смысл которой контрастирует с еще более грубой грамматической ошибкой: *Считая себя не без оснований лучшим филологом страны, наибольшее уважение у меня всегда вызывала длина фразы – безошибочный критерий интеллектуального уровня, будь то речь устная, письменная или длина музыкальной фразы в симфонической партитуре.* Ирония в обоих случаях подчеркивается еще и контрастом смысла и грамматики: героиня неграмотно рассуждает о грамотности, неграмотно порицает неграмотность.

Из средств выразительности любимыми для Каганова, на наш взгляд, являются сравнительные конструкции. Он использует разнообразные структурные типы сравнения:

– полные придаточные предложения: *Спрашивать об образовании у Эльвиры было так же глупо, как требовать у верующего справку об окончании семинарии;*

– неполные придаточные предложения: *Бывают такие специальные люди – разносчики неудач. С ними постоянно что-то происходит, и стоит тебе, как средневековому венецианскому терапевту, сунуть свой длинный нос в их очередную чуму, как чума перекидывается на тебя, и ты сразу чувствуешь недомогание – или физическое или финансовое, но в любом случае – моральное;*

– сравнительные обороты: *Неряшливый админ плавно крутанулся на кресле, как антициклон, и снова стало душно;*

– сравнения с помощью глагола: *В целом это напоминало детский конструктор для читателя, чей разум не в силах представить механизма сложнее, чем рычаг и водопровод;*

– сравнения в форме творительного падежа: *...Вытолкнула вперед Дарью Филипповну, стоящую онемевшим столбом все это время;*

– сравнения с помощью сочетания прилагательного *похож* с предлогом *на*: *Я пока стала глядеть в низкое вечернее небо, большие **похожее на брезентовую крышу в маскировочных пятнах** облаков, **растянутую над Москвой;***

– сравнительные наречия: *Сделав лицо **по-милицейски** каменным, я заглянула в комнату;*

– генитивные сравнительные конструкции: *Machodocabrio явно переживал **небывалый протуберанец интеллекта** за последние несколько часов;*

– сравнения с помощью указательных слов: *Только сейчас я поняла, каким ей виделся со стороны наш разговор. Наверно так абориген смотрит, как колдун на его глазах протыкает иглой соломенную куклу врага;*

– лексические средства сравнения: *...Лицо цвета клюквенного сиропа не оставляло сомнений в том, что наш клиент уже пьян, причем наверняка не первый день; Bull, не глядя, накрыл руками стакан с меланхоличностью таджика-строителя, выполняющего одну и ту же работу изо дня в день много лет.*

Каганов использует сравнения творчески. Нередко он соединяет в пределах одного предложения несколько разнотипных сравнительных конструкций, вставляет одно сравнение в другое: *Марина недоверчиво хлопала глазами, причем так часто и сильно, что казалось, будто накладные ресницы лупят по щекам и бровям как щетка зимнего автомобилиста, выкапывающего авто из сугроба.* Встречаются также и каламбурные преобразования фразеологизмов, их распространение с помощью сравнения: *Эльза Мартыновна вспыхнула как водородный цеппелин.* Конечно, нельзя не упомянуть о развернутых сравнительных конструкциях, создавать которые Каганов мастер: *Всякий раз, когда ты выезжаешь из Москвы в провинцию, появляется странное ощущение, которое можно сравнить лишь с посадкой за чужой и старый компьютер. Не понять сходу, что более непривычно – то, что компьютер чужой и в нем нет твоих программ, или то, что он старый – мониторчик маленький, мышка проskalъзывает, клавиатура хоть сверху и чистенькая, но в глубине забита пылью, а из-под нажимаемых клавиш нет-нет, да и высунется чей-то волос... Если добавить к этому притормаживающий процессор и отсутствие Интернета – это будет именно та картина, которую видит москвич, попадая в любой провинциальный город. Как вы за этим компьютером работаете?*

Среди метафор любимыми Кагановым оказываются ироничные метафоры: *Когда книжные лотки Москвы запорошило свежесывавшими Мураками, я возвратилась к японской версии; Книга оказалась написана далеким заморским пророком и переведена на русский так бездарно, что из каждой фразы торчали небритые пучки артиклей.* М.А. Ерофеева отмечает, что «метафора – способ на долю секунды отвергнуть принадлежность объекта в тому классу, в который он на самом деле входит, и включить его в другой класс объектов, в который он не может быть отнесен на рациональном основании» [1, с. 129]. С помощью метафор Каганов рисует такие живые, такие яркие картины, что иррациональность перенесения объекта в другой класс становится неочевидной, например: *Сервант дышал и тужился. Госпожа Кутузова совсем углубилась в недра, и я подумала, что сейчас сервант разродится чем-то вроде дубового ларца. Но это оказался старомодный пластиковый чемодан-дипломат.*

Помимо метафор, Каганов нередко прибегает к такому схожему с ними тропу, как симфора – высшая форма метафорического выражения, в котором полностью опущено упоминание о предмете метафоры, образ ощущается как чистое художественное представление. Симфора лежит в основе загадок и вообще похожа на загадку, где предмет, о котором говорится, зашифрован. То, что предмет прямо не назван, производит глубокое впечатление на читателя. При этом симфоры Каганова еще и ироничны, а порой саркастичны, например: *Судя по confused выражению на лицевых щитках верхних позвонков, ответа на этот rhetorical вопрос никто не знал.* Симфоры – излюбленный прием Каганова; они могут занимать несколько абзацев, как, например, в рассуждениях Лены Сквоттер о сходстве выбора мужчины женщиной с выбором работника работодателем. В такой симфоре читатель может заблудиться и не понимать до конца, о чем же речь: об ухаживаниях, о тендере или о том и другом одновременно.

Парадоксальность суждений, высказываемых Леной Сквоттер, выражается посредством оксюморона. С помощью оксюморонов Каганов ломает штампы и привычные сочетания, совмещая несочетаемое так естественно, как будто это совершенно обычные для языка комплексы единиц. Для оксюморона очень важна предельная полярность сочетаемых единиц; по словам Е.В. Мельниковой, «чем больше полярность, тем больше динамики, чем меньше полярности, тем меньше динамики» [5, с. 98]. Каганову удается объединить максимально полярные языковые единицы (например: *Разумеется, как в любом подвале, здесь доверительно пахло мочой*), но основным оксюморонным приемом автора яв-

ляется сочетание стилистически несочетаемых единиц. В пределах одного предложения, одного выдаваемого Леной Сквоттер суждения Каганов совмещает полярные по стилистической окраске слова, например термины и варваризмы (*Не то, чтобы я чувствовала особую привязанность к покойному классику, изрезанному некрогендерными проблемами, просто это был ближайший яркий бренд*), термины и физиологические обозначения (*Обнажение на пляже легитимно с точки зрения современной морали. Пляж – это парад гениталий*). Каганов также использует оксюморон между смыслом и словесным оформлением высказывания, по-видимому, с эвфемистическими целями: *...Единственное из доступных развлечений для человека – все тот же нехитрый трансфер органики из местных фаст-фудов в местные клозеты*.

Конечно, сатирический стиль Каганова не мог обойтись без каламбуров как одного из средств создания юмористического. Приведем примеры: *Но Ника не торопилась: она вынула заляпанное зеркальце и несколько долгих секунд причесывала голову, затем достала заляпанный блокнотик и еще какое-то время причесывала мысли; А что касается папы, то, по рассказам, он был добрый волшебник. – И какое волшебство он делал? – заинтересовалась Ника. – Например, он сделал меня. Разве это не волшебство? – улыбнулась я*. Надо отметить, что каламбуры Каганова не такие уж и замысловатые. Из всех многообразных разновидностей языковой игры автор, как правило, выбирает классическую форму – каламбуры, основанные на использовании двух слов в разных значениях, как в примерах выше или в следующем: *...Собирая лицом всю мировую паутину – совсем не похожую на ту, что ты выкла считать мировой паутиной*.

Еще одна яркая черта стиля романа – афористичность языка, насыщенность речи Лены Сквоттер афоризмами – лаконичными, отточенными по форме и выражающими обобщенную мысль изречениями. Чуть ли не каждая мысль героини достойна того, чтобы ее тиражировали, цитировали и писали на плакатах, вывешиваемых в офисе и не только. Примеры: *Налоги – по сути лишь один из видов отката; В России все делается через откаты и подарки; Льющаяся вода, горящее пламя и люди, придумывающие бреннейм, – это бесконечные стихии природы; Интерес – ненадежный помощник: сегодня он есть, а завтра пропал. То ли дело деньги, когда их платят регулярно и помногу!; Батарейка совести, замкнувшаяся случайно и не по делу, быстро перегревается и садится; Москву и боятся, и любят. И ненавидят за это и ее, и себя; В Москве все смайлы давно сползли с лиц и перекочевали в Интернет; Люди, занимающиеся преподаванием, раньше прочих теряют способность учиться*. Данные высказывания, несомненно, могут быть квалифицированы как афоризмы, т.к. обладают такими чертами, как «краткость, принадлежность конкретному автору, новизна мысли, неизменность формы» [6, с. 105]. Как и положено афоризмам, высказывания прочно вплетены в ткань повествования и не ощущаются как афоризмы без специального выделения. Для читателя афористические высказывания – просто часть текста, делающая его ироничным, глубоким по смыслу, оригинальным.

Кроме того, Каганов не мог не ввести в роман элементы своей любимой мнимой прозы – текста, обладающего отчетливым метром, однако записанного как проза, без специфической стиховой графики. Каганов – мастер мнимой прозы, этой формой написаны его сатирические оды на злобу дня, создававшиеся по контракту для сайта F5 еженедельно в течение 2009–2012 гг. Всего получилось более 120 од, изданных в 2012 г. отдельной книгой. В романе «Лена Сквоттер и парагон возмездия» мнимой прозой написано заклинание «Начальник-обманщик...», ставшее ключевым элементом завязки сюжета.

Анализируя оды Каганова, мы уже отмечали, что автор «вдумчиво работает над стихом, экспериментирует с рифмой, способами рифмовки, строфикой, стремится выстроить безупречное и каждый раз оригинальное с точки зрения стиля и формы произведение» [4, с. 45]. Заклинание «Начальник-обманщик...» не исключение, это яркая и полная юмора пародия на заклинание в стиле офисной магии. Для иллюстрации воспроизведем здесь ее элемент: *Начальник-обманщик жадный проклятый, не плативший денег, зажавший зарплату, несчастий тебе, бед, разрухи да горя, присух твоему бизнесу, дефолт твоей конторе, позор тебе, гадина, жадина, чтоб твой логотип оказался краденый...* (всего 306 слов, страница книжного текста).

Вообще чувствуется, что Каганов писал роман с любовью, старательно, тщательно шлифуя каждую фразу. Предложений, в которых нет ни одного средства выразительности, ни одного художественного приема, в романе крайне мало. Зато несколько названных выше стилистических компонентов в пределах одного предложения находим легко, например: *...Пока я вглядывалась в отражение, мне все чудились в прозрачном геишальте своего image восточные черты, подобные росчерку тонкой кисти на плотной славянской бумаге* (термин, варваризм, сравнительная конструкция). Различные языковые средства предельно, а порой даже как-то запредельно, но не избыточно, насыщают текст. При этом роман читается легко, автору каким-то непостижимым образом удается соединить компоненты так, чтобы не только не утяжелить язык повествования, но сделать его летящим, свободным.

Рост Каганова как писателя несомненен. Анализ языка его произведений разных лет показывает, что «к первым романам автор шел по пути рассказов, учась, совершенствуясь, становясь глубже, психологичнее, ироничнее. Он очень сильно вырос со времен рассказа “Казнь” (ученического, простого, схематичного) до времени романа “Лена Сквоттер и парагон возмездия”. Стиль последнего демонстрирует нам зрелого писателя, сумевшего достичь уровня лучших мастеров русской классической литературы» [4, с. 44]. Мы действительно считаем, что роман «Лена Сквоттер и парагон возмездия» – вершина творчества современного Каганова, лучшее, что им написано.

В этой связи особенно интересно рассмотреть недостатки языка и стиля романа, просчеты, допущенные автором. Наиболее значительным мы считаем излишнюю зрелость, целостность, даже идеальность стиля повествования. Каганов пишет так, как должен писать талантливый и крайне современный писатель, со всеми вытекающими из названного последствиями, как-то: богатый жизненный опыт, оригинальность воззрений, прекрасное знание компьютера, Интернета, бизнеса и других вопросов. Однако именно здесь просчет: Каганов увлекается и забывает, что повествование ведется от лица главной героини, а она, несмотря на все свои таланты и изрядный жизненный опыт, – не слишком образованная девушка 21 года с завышенным самомнением. И она должна бы говорить не так идеально, а мыслить не так мудро, как, например, во фразе: *Слово – это не просто набор звуков, которые выжимают легочные мешки из скрипящей гортани. Слово – это особая комбинация мистической вибрации, это сакральная герметическая сущность, направляющая мировые процессы...* Лена Сквоттер демонстрирует умение разбираться в людях и категорично судить их: *Признаться, я всегда считала пиво напитком простолудинов. Умение разбираться в его сортах было для меня чем-то сродни умению переставлять колеса авто или выбирать в питомнике правильные саженцы для дачи – пикантная черта, которая может эффектно подчеркнуть обаяние и широту взглядов князя, но при отсутствии княжеского титула служит безошибочным маркером быдла.* Она высказывает критические суждения об исторических и политических процессах в России (*...Наш средний и высший класс со времен Петра I выбрал себе объектом для подражания европейское быдло, что полностью объясняет смысл всех процессов в России от восстания декабристов до оптовой закупки «Майбахов» президентской администрацией*), безжалостно комментирует правила делового этикета (*Хотя спросить он по этикету должен был «Как добрались?»*). Этот абсолютно бессмысленный pattern всегда звучит в начале деловой встречи, хотя любой, чьи зрачки еще не целиком съедены катарактой, способен догадаться самостоятельно, что добрался собеседник успешно); безапелляционно судит об особенностях российской действительности (*Все-таки любой суши-бар в условиях России превращается сначала в «бистро», а вскоре в станционную забегаловку*). Высказывания Лены Сквоттер о российском бизнесе полны сарказма, мудрости и печали: *Насколько я могу судить, ваш интернет-бизнес будет настолько успешным, насколько вообще может быть успешным бизнес в этой стране и в этом интернете. То есть, пока не заинтересует кого-то наверху.* Она ненавидит мужчин и считает женщин более совершенными существами: *К счастью, женщина, как высшее существо эволюции, всегда имеет возможность вытянуть из мужчины любую информацию.* Ее суждения о семье, любви и прочих вечных ценностях циничны и свидетельствуют или о глубоком разочаровании, или о боязни близости, а возможно, о том и другом: *Это было классическое семейное фото для любителей masturbation на семейные ценности.*

И в то же время с мудростью философа Лена Сквоттер описывает суть мироздания: *Мы – бесконечно кипящая каша из органики, размазанной по планете тонким слоем.* Завораживающе и пугающе звучат ее религиозные сентенции: *Вся планета Земля для своих обитателей, включая человека, – один большой концлагерь, где живут в ожидании разделки <...> Понимаете, Даша, кровавый промысел бельков – это жалкое подобие того промысла, в котором используют нас. Для чего это понадобилось Господу, и что он шьет после из наших душ – вопрос, ответа на который никто здесь не знает. Но с подкупающей откровенностью это так и называется открытым текстом. Знаете, как? – Как? – БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ; Вера – это та самая страховка, которую мы платим в течение всей жизни на тот случай, если Бог все-таки есть.*

У Лены Сквоттер на любой вопрос есть ответ, по любому поводу – продуманное, выстраданное, оригинальное и очень умное суждение. Она ли это? Не слишком ли четко мы видим за ее образом самого Каганова? Пусть не Каганова, а некую более взрослую, более опытную и более образованную героиню?

Впрочем, автор время от времени спохватывается и начинает оправдываться. Вот как он объясняет умудренность Лены Сквоттер: *Любой человек способен все это узнать, если возьмет себе за труд прожить в крупном городе несколько лет, общаясь с людьми и внимательно запоминая, что творится вокруг. А если заткнуть уши наушниками плеера, а глаза – мылом телесериалов, то можно и за сто лет ничего не понять в жизни.* А приведенные выше предложения с грамматической ошибкой могут быть оценены как попытка уменьшить идеальность речи Лены Сквоттер.

Хочется отметить еще один недочет стилистики романа. Героиня обращается со своими во всех смыслах (языковом, философском, бытийном) продуманными и совершенными рассуждениями к обычным людям, встречаемым ею, например, к маньякоподобному водителю проржавевшего «Жигули». Как нам кажется, автор не учитывает при этом одного очень важного обстоятельства: обычный встреченный на улице человек просто не понял бы и половины сказанного созданной им с такой любовью и тщательностью Леной Сквоттер. Не понял бы по уже обозначенным выше причинам: обилию варваризмов, терминологии, а также из-за замысловатости и сложности синтаксиса.

Итак, что есть стиль романа «Лена Сквоттер и парagon возмездия»? Выявленные нами и описанные выше лексические и стилистические компоненты требуют идентификации данного романа как книги не для всех, романа для избранных. Насыщенность иноязычной лексикой и сложной лингвистической терминологией, развернутые сравнения, симфоры и языковые шутки, непонятные рядовому носителю языка, должны были сделать его сложным для среднего читателя. И не сделали. Роман легкий, автор с первой страницы увлекает читателя за собой, и тот поглощает текст, странным образом не обращая внимания на непонятные моменты и еще более странным образом понимая их. Острый и глубокий сюжет романа сочетается с оригинальным стилем и делает произведение неповторимым.

Конечно, осмысление современной наукой творчества Леонида Каганова – писателя молодого и перспективного – еще впереди. Однако произведенный нами беглый анализ языка и стиля на данный момент лучшего, по нашему мнению, романа писателя дает нам все основания заявить, что в русской литературе появился крайне талантливый и своеобразный автор, самим своим существованием подтверждающий тезис о том, что русская литература жива и, несмотря на катастрофическое падение интереса к чтению у современного носителя языка, развивается.

Литература

1. Ерофеева М.А. Особенности использования метафоры в романе А. Проханова «Последний солдат империи» // Вестн. Костр. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2010. Т. 16. № 3. С. 129–131.
2. Каганов Л. Как назвать книгу? Советы начинающему фантасту // Леонид Каганов : сайт. URL : <http://leo.me/archive/other/nazvania.shtml> (дата обращения: 28.06.2013).

3. Каганов Л. Лена Сквоттер и парагон возмездия: [фантаст. роман]. М. : АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2010.

4. Крылова М.Н. Леонид Каганов: наброски к портрету нового российского писателя // Актуальные проблемы филологии и культурологии : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием). Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. С. 43–48.

5. Мельникова Е.В. Роль оксюморона в сенсорной картине мира И.А. Бродского // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 43. С. 98–102.

6. Туралина Н.А., Иваненко Н.А. Афористичность современной женской прозы // Гуманитарные исследования. 2011. № 2. С. 105–110.

Mature style of a new writer: novel “Lena Skvotter...” by Leonid Kaganov

There are analyzed such peculiarities of the language and novel style as saturation with foreign vocabulary and complicated economic, computer and linguistic terminology, comparative constructions of various structural types including compound metaphors, symphoras, puns, oxymorons etc.

Key words: *barbarism, comparative construction, metaphor, symphora, oxymoron, pun, aphorizing.*